

Александр ВАМПИЛОВ

Лит. Россия —
1997. — 22 авг. — с. 10

ствовавших, что многие вершинные произведения искусства рождены полемикой их авторов с «коллегами».

Не говоря уж о русской драматургии, о Шекспире, Мольере или Гольдони, Саня знал зарубежных современников, в том числе и модернистов, кстати, Беккета или Ионеско, пьесы которых в то время, в шестидесятых, вдруг появились в нашей периодике. Знал он и любил американцев Юджина О'Нила и Теннесси Уильямса, особенно последнего. Вспоминая сегодня наши разговоры об этом, перечитывая Вампилова и Уильямса, я вижу, чем был близок Сане «их» драматург. Глубокое проникновение в психологию характера, находящегося в пограничной ситуации; лиризм повествования; хрупкость, незащищенность героев, которых — каждый может обидеть, а они способны противопоставить злу только жертвенность, замкнутость, уход в себя... Сочувствие обездоленным, защита неимущих — то, что связывает через океаны и годы двух писателей, две литературы.

ЗАПОЗДАЛОЕ СЛОВО О ДОБРОМ ДРУГЕ

Я очень жалею теперь, сегодня, что тогда у меня не было в доме гитары. Позже я много раз слушал Саню и не могу сейчас взять в толк, почему никто из нас, его друзей, не догадался записать хоть один его романс — ведь были же возможности! И вот нынче даже в коротеньком фильме, хорошем фильме, сделанном Иркутской хроникой, любимые песни Сани звучат в чужом исполнении.

...Я пробыл уже в Иркутске не меньше двух недель; и, когда уже все мы были на окончательной и беспросветной мели, идея, зародившаяся задолго до того, стала на глазах обрывать плоть. Было решено, что Распутин с Владимиром Дробышевым, вскоре после меня прилетевшим в Иркутск, поедут в командировку в Слюдянку, а мы двинем в тайгу, на Харат. Мы — это Геннадий, Саня, Глеб Пакулов и я. На Харате Санин дядя, ученый-лесовед, имел зимовье, которое в настоящий момент пустовало, ждало нас.

В Союзе писателей был тогда новенький «Москвич», он и подвез нас, сколь было возможно, километров за сто от Иркутска — дальше цивилизация в те поры не простиралась, дальше надо было топтать на своих двоих. Мы где-то по пути, в лесу, разводили костерок, сушили, запекали в углях картошку, выпивали понемножку спирту — тогда еще в Сибири можно было свободно купить питьевого спирту; уже в осенней крошечной тьме рыли где-то на грядках, запасались картофелем впрок... Как мы нашли в ночи свое зимовье, как вышли точно к нему? — только потом, на обратном уже пути, по белу дню, я уяснил во всей полноте, что друзья мои и в самом деле знали тайгу, умели в ней ориентироваться без карт и компасов.

Грязные и мокрые ввалились мы в постоявшее и малоуютное жилище, и я не знал уж, радоваться мне, что выбрался в тайгу, или сожалеть, что не остался в теплом и чистом номере «Ангары». Быстро, однако, затоплена была печь заготовленными кем-то дровами, поставлена вариться картошка в мундирах, вскрыты кой-какие консервы, разлит по кружкам спирт...

А когда мы проснулись, позднозавтра уже проснулись, солнце сияло в окнах так, что глаза слепли, — тогда я только оценил услугу моих товарищей, которые ради меня затеяли этот поход, для меня пожертвовали работой своей, делами своими, городской устроенностью. Сопки окружали наше жилище со всех четырех сторон, нарочью отрезав от остального света; его, остального света, как и не существовало вовсе; тайга красива всегда, но трудно вообразить себе что-либо более живописное, возвышенное и возвышающее, чем тайга осенью. Сопки, как наклонно поставленные полотна, представляют взору такое оби-

лие и разнообразие цветов и оттенков, какого не встретить ни в одной картинной галерее, и цвета эти, от пылающе-багрового до густо-зеленого, выметаны природой с такой расточительной щедростью и вместе с таким вкусом и художническим тактом, и небо осенью в Восточной Сибири природа держит в такой пронзительной чистоте и голубизне, солнце лучится не только в небе, но во всех этих земных преобладающе карминных тонах. Когда я вышел утром на крыльцо, дух захватило, исчезли в подполах памяти и города, и гостиницы, и проблемы сверхважные...

Мы умывались прямо из пресмыкающейся вблизи речки, обжигаясь чистой родниковой водой, а затем, после завтрака, распределены были обязанности между участниками недолгосрочной экспедиции: Глеб отвечал за рыбу, Геннадий отправился с ружьем за дичью, Саня утверждал был шеф-поваром, а я — какой из меня толк! — я вовсе не брался в расчет, и сам только для себя решил, что буду в меру сил помогать где придется.

Харат, эта чрезвычайно шустрая и, как сказано уже, предельно чистая таежная речушка, несла в себе в это время ношу прямо-таки непредставимую — такую прорву отжившей золотой ливы, что оставалось диву даваться: откуда берутся силы? Мы перегорали ее севью и потом, через две-три минуты буквально, едва осиливались вытащить на берег целый воз листьев, среди которых живым серебром в матово-тусклом золоте сверкали хоть несколько штук хариусов да ленков.

Однако на уху мы все-таки набрали, а Машкин вернулся к обеду с двумя изувечными дробью рябчиками, и Саня приготовил нам вкусный и, главное, оригинальный суп: я во всяком случае впервые узнал, что птицу и рыбу можно варить в одной кастрюле, и не только варить, но и есть.

Все мы были к тому времени уже «известными писателями»: все имели книжки, печатались в столице, Саня в «Театре» опубликовал две пьесы, но что важно? — у нас было еще все впереди, планы наши простирались необозримо, и то, что я написал позже, уже после обрушившейся на нас беды, присутствовало тогда, на этом заброшенном в сопки зимовье, у этой неказистой, но ставшей навек памятной таежной речушки.

*...Были молоды мы и сильны
Тем, что нам впереди предстояло.
Дружба нам никому не мешала,
— Нам еще и не снились чины.*

*Каждый верил, что этот и тот,
Как бы там ни хитрило искусство,
Не изменит тогдашнему чувству
И в разведку с тобою пойдешь.*

*Мы во всем тогда ведали толк!
Но когда мы — о Боже! — узнаем,
Что при жизни не всем успеваем
Оплатить несписуемый долг...*

*Эта ноша с годами стократ
Пригибает усталые плечи,
Но пред тем, как откроется вечность,
Мне привидится:
речка Харат...*

...Мы вернулись в город поздней ночью; номер в гостинице я сдал перед уходом в тайгу, и пришлось мне идти ночевать к Сане. Утром Оля отводила Лену в садик, и я еще раз подивился, как сильно девочка похожа на отца, как победила в ней, как и в Сане, бурятская кровь... Прибежал жаждущий опохмелки Глеб; на единственный наличный рубль Саня дал телеграмму в Москву, в УЗАП (Управление по защите авторских прав — было же такое ведомство!), с просьбой срочно, телеграфом, выслать денег...

Мы пробыли несколько дней еще в Иркутске, и все были вместе — Вампилов, Распутин, Пакулов; Геннадий Николаев исполнил у нас роль бесплатного таксиста, он же повез нас на Байкал, где я был впервые; Саня с нами не поехал, Распутин взял с собой Сергея, тогда еще, кажется, дошкольника; в Листвянке мы заехали в магазин, а затем вернулись к Ангаре и на берегу ее, на травке, долго сидели, закусывали; Глеб показывал свой дом на той стороне реки, в распадке, и кто бы нам сказал тогда, что именно здесь, от добротного гостеприимного дома на левом берегу Ангары и до этого как раз места, где мы сидели вокруг разложенной на газете закуски, проляжет — всего-то через три года — последний в Саниной жизни маршрут?

Николай КОТЕНКО